

УДК 34

**С.И.Митина**

#### **ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ В ЭПОХУ ЭЛЛИНИЗМА**

The article deals with the legal regulation of international trade during the epoch of Hellenism. The attempt is made to prove the high level development of institutions of international law at the time of antiquity

Регулирование экономических отношений составляет, пожалуй, наиболее сложную функцию права. Это касается как внутригосударственной, так и международной сферы. Собственно говоря, право и возникло как институт защиты собственности и регулирования отношений по ее поводу между различными субъектами. Во всяком случае, в отношении античного общества, на основе которого в последующем сложилась так называемая «западная цивилизация», этот тезис, безусловно, верен. Ситуация усложняется, когда речь заходит о восточных государствах, или, что еще более проблематично, об эллинистических, кото-

рые по сути своей являлись порождением двух культур: античной и азиатской. С точки зрения восточного менталитета право не может быть самостоятельным регулятором, оно лишь инструмент в руках государства, которое является вседвелеющей и всепроникающей силой. Именно государство контролирует все, что связано с собственностью, а следовательно, и с экономикой. Оно же выбирает и регуляторы соответствующих отношений. Таким образом, можно предположить, что в эллинистическом обществе элементы рыночного саморегулирования сочетались с жестким контролем государства в наиболее важных сферах экономической жизни.

Уже в ходе завоевания Ахеменидской державы Александром Македонским наметился план создания единой империи, обеспечивающий включение богатых азиатских территорий в единое экономическое пространство. Активная градостроительная политика Александра, знакомство греко-македонян с новыми торговыми маршрутами, неизвестными ранее способами хозяйствования, видами ремесел и сельскохозяйственных культур, а также приток в экономику огромного запаса ранее не задействованного, веками копившегося запаса драгоценных металлов, обеспечило невиданный до сих пор рывок в экономическом развитии всего Восточного Средиземноморья. Масштабы финансовых операций, перераспределение капитала, включение в экономическую сферу деятельности массы ранее люмпенизированного населения — все это требовало новых правовых регуляторов, отличающихся гибкостью и универсальностью, способных решать комплексные задачи.

Основными сферами приложения труда и капитала стали градостроительство, освоение новых территорий и торговля [1].

В эллинистический период существенно изменились не только внешние характеристики торговли: объем, охват рынков, новые формы торговых операций, но и сам ее смысл. Ранее торговля рассматривалась как вынужденное средство получения недостающего продукта. Вплоть до конца классического периода обогащение посредством торговли порицалось представителями греческой философии, например Теофрастом [2]. Теперь же торговля рассматривалась как один из основных источников обогащения, которое в свою очередь становится смыслом человеческой деятельности. Это вполне соответствует космополитическому мировоззрению эллинистического общества.

Темп жизни был настолько высок, что от него отставала даже научная мысль. Так, экономическая теория оказалась не готовой к охвату вопросов товарного производства [3]. Рынок развивался стихийно. Единственным фактором, его контролировавшим, была воля монархов.

Весьма показателен в этом смысле пример Птолемеев. Недаром активно внедрявшие ими формы хозяйствования в современной научной литературе называют «государственным социализмом» [4]. Птолемеи установили тотальный контроль почти над всеми сферами экономической жизни своей страны и государственную монополию на получение основной доли прибыли от коммерческих операций. Даже свою столицу Александрию они превратили в источник дохода, обустроив гавани товарными складами, построив мощный торговый флот с кораблями гигантской грузоподъемности и, наконец, используя знаменитый маяк. Страбон обращает внимание на то, что в частной собственности египетских царей находилась расположенная рядом с Большой гаванью искусственно выкопанная и скрытая царская гавань, а также обустроенный островок Антиродос с двумя гаванями (Strab. XVII. 1. 9).

Были и другие примеры государственного регулирования. Селевкиды пытались поставить под свой полный контроль восточные торговые маршруты. Хорошая организация и безопасность функционирования караванных дорог обеспечивались присутствием на азиатских территориях греческих колоний, например Дура-Европос [5]. Столица Селевкидов Антиохия на Оронте рассматривалась как центр международной коммерции.

Нетрудно понять, что именно господство над торговыми маршрутами стало основным предметом наиболее ожесточенной борьбы Селевкидов и Птолемеев.

Птолемеи, полностью контролировавшие национальную коммерцию, установившие государственную собственность на караванные маршруты и водные пути, сбывали свои товары в Китае, Скифии, в Центральной Африке и даже на Британских островах [6].

Селевкиды господствовали на караванных путях внутренней Азии, контролируя маршруты из Китая, пролежавшие через Туркестан, Бактрию и Персию либо через Аральское, Каспийское и Черное моря; дороги из Индии через Афганистан и Персию, проходившие или через Аравию и Петру в Иерусалим и Дамаск, или через Индийский океан и Красное море в Арсиною (Суэц) и в Александрию [7].

Безусловно, в то время было немало факторов, мешавших развитию торговли. Отсутствовали хорошие дороги, не была обеспечена безопасность сношений между городами. Бандитизм был общим явлением. Гераклид, путешествуя по Греции в 205 г. до н.э., отметил, что безопасной была только одна дорога — от Оропа до Танагры [8]. На морских коммуникациях хозяйничали пираты. Для непосредственных участников торговли все это предполагало свои трудности и прямой риск.

Какие же варианты регулирования коммерческих и некоммерческих отношений между участниками торгового оборота могли быть действенными, что могло дать хотя бы минимальные гарантии безопасности и стабильности экономической деятельности? Условно можно разделить их на две категории. Первую составляют меры государственного значения. Они были нацелены на обеспечение централизованной политики в сфере коммерции, что, однако, не исключало учета личных имущественных и неимущественных интересов частных лиц. Именно государство могло гарантировать защиту своих граждан в отношениях с подданными незлинистических государств, т.е. с арабами, набатеями, жителями Северного Причерноморья, которым были чужды правовые представления античного общества.

Ко второй можно отнести различные варианты самопомощи участников торгового оборота, санкционированные положительной реакцией властей. Подобными являлись, например, подписываемые городами соглашения об урегулировании споров по договорам между их гражданами. Нельзя исключать и третейского посредничества при крупных конфликтах. Довольно часто государства и города-полисы проводили политику «открытых дверей», всячески поощряя приток иностранного капитала. В частности, иноземным купцам позволялось создавать поселения и даже строить святилища, под которые отводилась государственная земля. Конечно, у каждого государства были свои предпочтения на этот счет. В.Тарн приводит интересный пример: «...два города, Родос и Кизик, пускали только греков, (но это было совершенно необычной политикой)» [9].

Купцы объединялись в кампании, разного рода ассоциации по национальному признаку или признаку торговли определенным товаром. Такими были ассоциации торговцев маслом из Италии на Делосе или всех экспортеров в Афинах и Александрии. Общий капитал этих объединений мог в определенной мере выполнять роль страховки.

Иногда купеческие ассоциации создавались и по религиозному признаку. Их правовое положение во многом определялось религиозными нормами. Х.Хабиخت ссылается на два хорошо сохранившихся декрета середины II в. до н.э. Они дают сведения о двух религиозно-коммерческих объединениях финикийских предпринимателей, обосновавшихся на Делосе. Первый декрет 153/2 г. до н. э. издан «Объединением почитающих Геракла (Мелькарта) купцов и мореплавателей из Тира», второй — составлен «Объединением почитающих Посейдона купцов, мореплавателей и агентов из Бейрута».

Из первого документа явствует, что собрание тирян избрало и отправило в Афины послов с просьбой выделить место на Делосе для посвященного Гераклу-Мелькарту участка. Главой миссии был жрец ассоциации Патрон. Он предпринял путешествие целиком или частично на собственные средства. Цель была достигнута. И, как отмечает Х.Хабиخت, предоставление Народным собранием Афин участка для культа было равнозначно государственному признанию этого культа.

Во втором декрете воздаются почести римскому банкиру Марку Минацию. Он предоставил заем купеческому объединению для украшения теменоса Посейдона, отказался от причитавшихся ему процентов и пожертвовал для содействия непрерывному продолжению работ 7000 драхм. Благодарные бейрутцы награждают банкира различными почестями —

одни из них должны были повторяться ежегодно, другие каждый месяц — и разрешают ему установку его статуи и портрета с почетными надписями. Кроме того, издается постановление о защитных мерах по отношению к почестям, предусматривающих штраф для возможных нарушителей в 6000 драхм [10].

С установлением римского протектората подобные почести купеческие ассоциации воздавали в первую очередь римским богам, например Богине РOME. Все эти действия носят не столько сакральный, сколько политических характер, обусловленный экономической необходимостью. В случае же с Марком Минацием налицо образец рекламной кампании. Без сомнения, римский банкир, выделяя деньги на благотворительные цели, рассчитывал за счет популяризации, которую он фактически возложил на плечи бейрутских жрецов, получить в будущем значительную прибыль.

Иногда наиболее состоятельные купцы могли позволить себе вести коммерческие операции в одиночку. Таким был Аполлоний, диоикет Птолемея Филадельфа, торговавший в Азии и управлявший в Фаюме образцовым хозяйством [11].

Римские купцы, как считает В.Тарн, появились на Леванте уже после создания в 166 г. до н.э. свободного порта на Делосе и образования в 130 г. до н.э. провинции Азии, и имели «...значительное преимущество в виде развитого права, позволявшего им апеллировать от законов города к римскому праву и пользоваться выгодами, предоставляемыми указами и разрешениями снисходительных римских правителей» [12]. Со своей стороны отметим, что преимущество римлян было отнюдь не в их праве, которое вряд ли на тот момент превосходило эллинистическое, а в мощной военной машине, позволившей им установить политическое и экономическое господство над Восточным Средиземноморьем.

Все это свидетельствовало об острой конкуренции на международном рынке. Греческие города пытались защитить свои интересы, занимаясь протекционизмом, вытесняя иностранцев с восточносредиземноморских рынков, где последние пытались всячески закрепиться.

Правда, Р.Пельман, например, полагает, что насильственность в средствах, которыми полис стремился достичь своих хозяйственных целей, произвольная регулировка конкуренции, многообразные формы исключения и постоянные изгнания из своей среды чужаков, монополии и привилегии, обязательства пользоваться только определенными путями, портами и рынками, особая политика в торговле зерном и политика возвышения цен с ее законами против скупки и т.д., все это было выражением стремления города-полиса сделать свое хозяйство независимым от других [13].

Заметим, что о какой-либо хозяйственной независимости, изолированности в данном случае говорить все-таки нельзя. Эллинистическая эпоха не допускала никакой замкнутости, наоборот, она окончательно подорвала основы натурального хозяйства, поставила его на промышленные рельсы. Недаром в научной литературе об эллинистических способах хозяйствования часто говорится не иначе, как о «капиталистических». Политика городов была агрессивно наступательная. Она не ограничивалась вытеснением конкурентов с собственного рынка, но была нацелена на повсеместное распространение своего влияния. Безусловно, города при этом опирались не только на чисто экономические регуляторы, но и на волеизъявление, покровительство конкретных монархов, которое выражалось как в формальной поддержке и предоставлении налоговых льгот, так и в обеспечении безопасности экономического пространства силой оружия.

Однако рынок, как известно, предполагает определенный элемент стихийности, и государственное регулирование не всегда способно с ним справиться. Вводя монополию на некоторые отрасли производства, контролируя основные торговые маршруты, оно подрывало основы свободной конкуренции и вытесняло мелких производителей, что постепенно вело к падению общего уровня благосостояния населения. С одной стороны, для сбыта предлагалось все больше предметов роскоши, происходила концентрация капитала, появлялись баснословно богатые люди, щедрые на благотворительность. С другой, — росли цены, падал заработок, происходило обнищание основной массы населения. Рост социальной на-

пряженности породил дополнительную функцию государства, вынужденного теперь все больше усилий прилагать к обеспечению внутривластной стабильности. Не в последнюю очередь — за счет эффективной финансовой политики.

Одним из способов воздействия на финансовую ситуацию было стимулирование развития банковского капитала — как государственного, так и частного. Уже в классическую эпоху была развита практика обращения к банкам за процентными ссудами под обеспечение грузов. Причем при морских перевозках процент всегда был значительно выше, чем при сухопутной торговле.

Капитал накапливался банкирами, среди которых было немало предприимчивых афинян, по какой-либо причине оказавшихся за пределами своей общины. Именно оторванность от коллектива стимулировала развитие частной инициативы. Уже тогда четко действовало правило: спрос рождает предложение. Бурно развивавшаяся транзитная торговля и создание единого восточносредиземноморского рынка определяли этот спрос. Услугами банкиров пользовались не только частные граждане, но и целые городские общины, различные корпорации и даже монархи. Некоторые из городов, например Делос, Византий, Милет, обзавелись собственными банками.

Основными операциями банков были: обмен денег, кредитование под проценты, держание счетов клиентов, осуществление денежных переводов, работа с кредитными письмами, чеками и векселями (правда, наличие последних в эллинистический период по-разному оценивается учеными). Учетные ставки по займам варьировались в зависимости от местоположения и финансовых способностей банков. Так, на Родосе или Делосе они составляли 10 проц., в Египте — 24 проц. Однако и они не были постоянными. Приток восточных богатств в III в. до н.э. на некоторое время понизил процентные ставки до 7 проц. [14].

Еще одним механизмом регулирования коммерции была налоговая политика. Именно благодаря ей процветали центры транзитной торговли, портовые города, островные государства. Как и все остальные сферы экономической жизни эллинистического общества, она отличалась многообразием форм и разными способами регулирования. Однако слабая источниковая база не позволяет с уверенностью провести классификацию налогов и сборов, практиковавшихся в международной торговле. Крупные государства, как, например, Селевкидов, имевшие на своей территории караванные маршруты, взимали дорожные пошлины [15]. Портовые города, островные государства активно практиковали взимание портовых пошлин, транзитных, как это делал Византий, и непосредственно торговых.

Особое значение имело перераспределение налоговых доходов в государствах с многоступенчатой схемой «вассальной зависимости».

Если материковые города-полисы в основном находились под юрисдикцией Селевкидов, Атталидов, Птолемеов или Антигонидов и определенную доли прибыли должны были отчислять в царскую казну, то, например, Родос был полностью финансово самостоятелен. Это позволяло ему даже при сравнительно небольших процентах налогов, аккумулировать значительные денежные запасы, что в свою очередь служило базой для проведения благоприятной налоговой политики по отношению к иностранным купцам и делало остров привлекательным в качестве «мирового центра» оборота товаров и капитала.

В 168 г. до н.э. после битвы при Пидне римляне провозгласили свободным портом Делос. Это было сделано специально, чтобы лишить экономической самостоятельности Родос, проводивший, с точки зрения Рима, слишком независимую политику. Хотя считалось, что Делос находится под афинским суверенитетом, фактически его правовое положение полностью зависело от волеизъявления римского сената. Беспорочный заход в гавань Делоса обеспечил быстрое превращение острова в центр восточносредиземноморской торговли.

Подобное освобождение от пошлин в морской торговле именовалось ателией (ατελεία). И.Б.Брашинский рассматривает ателии как одну из привилегий, входящую в понятие «дары». Анализируя афинский декрет в честь боспорского царя Спартока III, в кото-

ром отсутствует понятие ателий, дарованных афинянам еще предками названного правителя, некоторые авторы делают вывод, что Спарток III их отменил в виду сложного экономического положения. В противовес этому мнению Брашинский полагает, что под присутствующими в декрете понятиями «существующие привилегии» и «существующие дары» как раз и понимаются в первую очередь ателии. То же самое, подчеркивает автор, присутствует и в афинском декрете 346 г. до н.э. в честь сыновей Левкона I [16]. Таким образом, современный исследователь должен учитывать фактор субъективности, присутствующий при составлении того или иного документа. Один и тот же юридический институт в разных государствах и в разные периоды может именоваться по-разному, особенно если отношения между государствами носят длительный характер, и стороны не видят необходимости соблюдать в очередном документе все формальности.

И.П.Никитина, анализируя проксении Херсонеса Таврического, отмечает, что к правам и привилегиям, предоставляемым гражданам других государств, относятся такие, как полития, т.е. право входа и выхода из гавани вместе с имуществом как в мирное, так и в военное время. Хотя приводимые источники относятся к IV-III вв. до н.э., вслед за автором можно предположить, что существенных изменений в данном институте не произошло и в более позднюю эпоху, тем более, что в актах II-I вв. до н.э. проксены и их потомки так же получают политию.

Надо сказать, что прокседам различных полисов предоставлялся неодинаковый набор прав. Так, Херсонес избегал даровать ателию. Афины делали это редко. А Дельфы, наоборот, активно предоставляли это право, что, по мнению И.П.Никитиной, способствовало развитию религиозных связей. Освобождение от пошлин активно практиковали святилища [17].

Наряду с ателией часто использовалась исотелия (ισοτελεια), подразумевавшая уравнивание в податях и повинностях. По отношению к иностранцам это означало распространение на них общепринятых в данном государстве налогов, которые обычно платят граждане. Исотелии также являлись формой поощрения за различные услуги, оказанные данному государству или его представителям. В.П.Невская упоминает в связи с этим делосский декрет в честь византийца Дионисия, доставлявшего на остров хлеб и удостоенного за это званием проксена и исотелией [18].

Как видим, античное общество прекрасно понимало, что не только наложение налогового бремени, но и освобождение от него может быть прекрасным стимулятором экономического, а заодно и политического развития. Эффективное регулирование экономических отношений, стимулирование международной торговли способно было обеспечить уже в древности высокие темпы развития общества, способствовало его политической стабильности.

1. Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Hellenistic World. Oxford, 1941. Vol.I-II.
2. См.: Полянский Ф.Я. Экономическая мысль древней Греции. М., 1974. С.323.
3. Там же.
4. Дюрант В. Жизнь Греции. М., 1997. С.594-596.
5. Rostovtzeff M. Op. cit. P.461; О военных поселениях см: Bar-Kochva B. The Seleucid army. Organization and tactics in the great campaigns. Cambridge, 1976. P.32-36.
6. Дюрант В. Указ. соч. С.596.
7. Там же. С.583.
8. Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949. С.100-101.
9. См.: Там же. С.226,235.
10. Хабиخت Х. Афины. История города в эллинистическую эпоху. М., 1999. С.255-257.
11. Левек П. Эллинистический мир. М., 1989. С.67.
12. Тарн В. Указ. соч. С.236.
13. Пельман Р. Очерк греческой истории и источниковедения. СПб., 1999. С.308-309.
14. Левек П. Указ. соч. С.67; Дюрант В. Указ. соч. С.569.
15. Rostovtzeff M. Op. cit. P.471.
16. Брашинский И.Б. // Причерноморье в эпоху эллинизма: Мат. III Всесоюз. симпозиума по древней истории Причерноморья. Тбилиси, 1985. С.155.

17. Хабиht X. Указ. соч. С.255; Никитина И.П. Проксении Херсонеса Таврического //Античная древность и средние века. Свердловск, 1978. С.106-108.
18. Невская В.П. Византий в классическую и эллинистическую эпохи. М., 1953. С.127-128.